

Н. А. Добролюбов

Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами

Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в трех томах
М., "Художественная литература", 1987
Том третий. Статьи и рецензии 1860-1861. Из "Свистка". Из лирики
Примечания *Е. Буртиной*
[OCR Бычков М. Н.](#)

Tu quoque, Brute!..

{И ты, Брут!¹ (лат.)-- Ред.}

В русской жизни возникают иногда отрадные явления, способные привести в умиление даже человека не совсем простодушного,-- являются герои мысли и слова, выступающие прямо и безбоязненно на смертельную борьбу с застарелыми предрассудками и общественной неправдой. Посмотришь на них, оглянешься вокруг себя -- и невольно склонишь голову перед их доблестью. Около них со всех сторон теснятся враги, их окружает бесчисленное войско рутинистов, невежд, негодяев, пошляков всякого рода, и несмотря на то -- благородные герои смело поднимают новое, враждебное злу знамя и самоотверженно подвергают себя всем опасностям неровного боя. Невольно сами враги изумляются богатырской доблести, и в некоторой части неприятельского лагеря даже проявляется движение в пользу отважных героев и желание стать под их знамя. Еще немного -- и вот, кажется, совершится одна из тех чудесных побед, о которых рассказывается нам в богатырских сказках...

Но времена богатырских сказок давно прошли, и мы всегда жестоко ошибаемся, когда вздумаем применять их мирозерцание к настоящему времени. Воображение наше, еще в раннем детстве расстроенное фантастическими бреднями нянюшек, нередко обливает для нас каким-то волшебным светом простые явления действительной жизни; но зато как приходится нам краснеть и стыдиться, когда эти явления вдруг предстанут нам в своем настоящем свете!!

Нас лично нельзя упрекнуть в особенной склонности к увлечениям розовыми надеждами. Мы не раз отзывались холодно и даже насмешливо о таких явлениях, от которых другие ожидали чуть не установления всеобщего благоденствия. Но и мы не остались совершенно чистыми от ребяческих увлечений. Со стыдом и прискорбием пришлось нам недавно вспомнить об одном из них, и мы спешим очистить себя публичным покаянием и откровенным изложением дела.

Начнем с нескольких общих объяснений.

Известно, что в последнее время обнаружилось в России много хороших литераторов во всех сферах общественной деятельности -- в полицейской, в медицинской, в комиссариатской, в судебной, в откупной, и пр., и пр.². Современные Фамусовы, полагающие, что

Написано -- и с плеч долой,--

возложили на этих литераторов твердые надежды относительно всех предстоявших усовершенствований русского быта. Мы с самого начала смотрели довольно недоверчиво на эти надежды, и действительно, когда доходило в чем-нибудь до дела, то специальные литераторы оказывались по большей части или совсем неподходящими к своим теоретическим убеждениям, или по крайней мере весьма податливыми на *уступки*. Уступок этих мы могли бы здесь указать много, но не считаем этот предмет таким малоизвестным, чтоб о нем стоило распространяться. Притом же практическая уступчивость рьяных теоретиков не представляет сама по себе ничего необычайного: она, напротив, совершенно в порядке вещей. Человек выступает на битву и вдруг видит, что против него тысяча врагов: естественно, что он должен -- или бежать совсем, или сделать несколько таких уступок, после которых хотя часть противников перешла бы на его сторону. Зато у него остается надежда побить самых закоснелых врагов. Начальник, преследующий взятки, но чувствующий себя бессильным для их искоренения, наконец допускает *благодарность* и ограничивается тем, что запрещает лишь